

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ХАРАКТЕР ЗАРОЖДЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПАМЯТНИКАХ АРХИТЕКТУРЫ ПЕТЕРБУРГА XVIII ВЕКА

В статье рассматривается история приспособления для новых нужд петербургских дворцов XVIII века на протяжении длительного периода существования города. Исследуются вопросы создания музеев в бывших жилых резиденциях. Анализируются причины неудачи первого этапа музеефикации памятников архитектуры после 1917 года. Ход нынешнего этапа создания музеев во дворцах рассматривается на основании сравнительного анализа.

Ключевые слова: история дворцов Петербурга. Музеефикация памятников.

E. Kal'nitskaya

HISTORICAL PRECONDITIONS AND CHARACTER OF ORIGIN OF MUSEUM ACTIVITY IN MONUMENTS OF PETERSBURG ARCHITECTURE OF THE 18th CENTURY

The history of adaptation for new needs of the Petersburg palaces of the 18th century during the long period of existence of the city is considered in the paper. Questions of creation of museums in former inhabited residences are investigated. The reasons of failure of the first stage of the museofication of architectural monuments after 1917 are analysed. The course of the present stage of creation of museums in palaces is considered on the basis of the comparative analysis.

Key words: history of palaces of St. Petersburg, museofication of monuments.

Одним из важнейших критериев аутентичности памятника архитектуры является сохранение им первоначальной функции, что происходит в исключительных случаях: фактическая смена функций памятника традиционна и связана с пробле-

мой его использования для новых нужд, актуальной для всего мира. Сегодня вопросы использования дворцов Петербурга неизменно связаны с деятельностью современного музея и становятся одним из направлений музейного дела. Без музейной

системы невозможно изучение памятников; музейный показ архитектурных объектов, связанных с важными явлениями в истории культуры, является особо ценным фактором передачи культурных традиций. Включая памятники архитектуры в сферу своих интересов, музей приобретает новые пространственные характеристики.

Проблема использования дворцов, обусловленная изменением их первоначального предназначения, существовала в Петербурге на протяжении всей его истории. В одних случаях дворцовые здания приходили в негодность, утрачивали первоначальный облик, в других – изменялось назначение жилых резиденций вследствие перемен в биографии владельцев (дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове (арх. Д. М. Фонтана, И. Г. Шедель, 1710–1722), дворец Петра II (арх. Д. Трезини, 1827) [5, с. 3]. Незавершенные палаты опального А. В. Кикина, приспособленные для размещения коллекций первого публичного музея – Кунсткамеры (1718) явились первым в истории города примером создания музея в историческом здании. Новое здание *Кунсткамеры* на Васильевском острове (1718–1727, арх. Г.-И. Маттарнови, Н. Ф. Гербель, Г. Киавери) имело уже свою семантику, обусловленную предназначением здания.

Дворцовые здания изменяли свои функции по воле представителей правящей династии, переходили по наследству, продавались [дворец Д. Кантемира (арх. Ф.-Б. Растрелли, 1721–1727); дворец М. И. Воронцова (арх. Ф.-Б. Растрелли, 1749–1757); дом Демидовых на Мойке (арх. А. Ф. Кокоринов (?), 1757–1759), дворец К. Г. Разумовского (арх. А. Ф. Кокоринов, Ж. Б. Валлен-Деламот, 1762–1766); Юсуповский дворец на Фонтанке (арх. Дж. Кваренги, конец XVIII); дом И. И. Бецкого (арх. И. Е. Старов (?), 1784–1787), дом Н. И. Салтыкова (арх. Дж. Кваренги, 1784) и др.]. Репрезентативная архитектура сама диктовала принципы музейного использования зданий: убранство и планировка *Тавриче-*

ского дворца (арх. И. Е. Старов, 1783–1795) обусловили организацию здесь технических, затем художественных выставок [выставка к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1899), историко-художественная выставка русского портрета (1905)].

Одним из направлений преобразования дворцов явилось их открытие для публики в качестве «частных» музеев: владельцы начали демонстрировать свои коллекции произведений искусства, которые были неотъемлемой частью их жилых резиденций и воплощением социальной значимости (дворцы Строгановых, Юсуповых, Шуваловых, Бобринских, Ольденбургских, Шереметевых, Елагиных и др.). Понимание ценности художественных собраний для культурной жизни общества требовало придания им достойного обрамления: представители высших кругов перестраивали и расширяли свои дома, приглашая для этого лучших зодчих. Подобно Западной Европе, искусство в России становилось «зримым признаком богатства» [16, с. 44]. Обладатель богатейшей коллекции книг, редкостей, минералов Н. П. Румянцев превратил в один из культурных центров столицы приобретенный в 1802 г. особняк на Английской набережной [12, с. 18–19].

Выставки произведений прикладного искусства проходили во второй половине XIX в. в *Шуваловском дворце* на Фонтанке (арх. неизв, 1780-е гг.) [1, с. 157]. Меценат и коллекционер А. Г. Кушелев-Безбородко сделал общедоступной богатейшую «кушелевскую» картинную галерею в залах «*Малого Мраморного дворца*» на Гагаринской (арх. неизв, 1774–1775). Супруги Лаваль демонстрировали как своеобразный музей свой дом на *Английской набережной* (арх. А. Н. Воронихин, 1730-е гг., 1791–1793, арх. Тома де Томон, 1806–1809). Во дворце *Бобринских* на Галерной улице (арх. Л. Руска, 1790-е гг.) коллекции живописи, оружия и книг были открыты для публики; создан мемориальный кабинет графа Г. Г. Орлова. В *Строгановском дворце* на Невском проспекте (арх. Ф.-Б. Растрелли, 1753) усили-

ями А. С. Строганова были собраны богатейшие коллекции. Его наследник С. А. Строганов в 1897 г. впервые предоставил залы дворца для проведения «Выставки старинных художественных предметов и картин», приуроченной к коронации Николая II. Созданная экспозиция, по сути, являла собой обзор частного коллекционирования в России [8, с. 74]. Выставка состояла из подарков, поднесенных императору Николаю II по случаю коронации и произведений из коллекций П. П. Дурново, К. Э. Белосельского-Белозерского, П. П. Шувалова, С. Д. Шереметева, С. П. фон Дервиза, М. П. Боткина, А. А. Половцева, Д. И. Толстого и др. Таким образом, формирование художественных коллекций предопределяло пути использования дворца, или его части, в качестве музея, в большей или меньшей степени доступного для широкого обозрения.

Важной чертой музеефикации памятников дворцового зодчества явилось признание их мемориального статуса. *Домик Петра I* («Первоначальный дворец») до 1917 г. находился в ведении Гоф-интендантской конторы МИД, а затем содержался на средства Народного Комиссариата имуществ Республики. Посещение Домика осуществлялось с середины XIX в., а в 1930 г. в его стенах был официально открыт музей-выставка «Историко-революционное строительство Петербурга-Ленинграда» [7, с. 83–92].

Летний дворец Петра I в Летнем саду до середины XIX в. не изменял своего назначения, сохраняя статус летней жилой резиденции высших государственных сановников (М. А. Милорадович, Е. Ф. Канкрин и др.). В 1874 г. действительный статский советник Е. Ф. Рейнбот, технолог и писатель, выступил с инициативой создания в нижнем этаже дворца детского Технического музея, предлагая сделать «разные приспособления и исправления ... так как с помещением во дворце музея, который будет для всех доступен, дворец делается публичным местом» [17, с. 162]. Однако проект воплощения не получил. В 1903 г. «Санкт-

Петербургское общество попечения о бедных и больных детях» организовало во дворце выставку, приуроченную к 200-летию основания города. Собранные предметы, относящиеся к биографии Петра I, объединенные в историческом месте, показали возможность существования самостоятельного музея, посвященного жизни и деятельности основателя города. Выставка действовала около месяца и насчитывала 466 экспонатов; в ней принимали участие 30 учреждений и 28 частных лиц. 22 экспоната происходили из Летнего дворца.

В отдельных зданиях, утративших «дворцовую» функцию, сформировались «протомузейные учреждения», позже ставшие музеями. «Модель-камера», размещавшаяся в Зимнем дворце Петра I, а позднее переведенная в Адмиралтейство (1748), была преобразована в Морской музей и открыта для публики. Ведомственные музеи создавались в учебных заведениях, размещившихся во дворцах, и их экспозиции строились с учетом особенностей дворцовой архитектуры (Меншиковский дворец, Михайловский замок).

По инициативе императора Александра III, в восстановленной части Меншиковского дворца была открыта экспозиция из истории Музея Кадетского корпуса (1888–1924), затем здание было передано Ленинградскому военно-политическому училищу, затем – Юридическому институту им. М. И. Калинина.

В Михайловском замке был создан Военно-инженерный исторический музей (1920), в котором экспонировались модели крепостей и других произведений военно-инженерного искусства.

После Октябрьского переворота во всей сложности встал вопрос о создании музеев в национализированных петербургских дворцах. При этом представители власти не имели для его решения соответствующей подготовки, и одним из возможных выходов из сложившейся ситуации стало привлечение творческой интеллигенции и видных музейных деятелей дореволюционно-

го периода (А. Н. Бенуа, Н. Е. Лансере, В. К. Макаров, А. А. Половцев, Г. К. Лукомский, В. Н. Талепоровский и др.). Заинтересованные в сохранении культурного наследия, они оказались в непростом положении: в художественной среде отсутствовало единство позиции, не было общего руководства, неотложного решения требовала проблема охраны дворцов и обеспечения безопасности коллекций. «...Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу. Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства», — говорилось в «Воззвании совета рабочих и солдатских депутатов» [2, с. 84].

Российская ситуация имела исторические аналоги: в конце XVIII в. во Франции, вслед за революцией и казнью короля, последовала конфискация коллекций королевской семьи, высшей аристократии, церкви, и на основании этих собраний был открыт Лувр (1793). В Петрограде первым национализированным дворцом стал Зимний дворец: в апреле 1918 г. он был передан для расширения экспозиционных площадей Эрмитажа, и бывшая царская резиденция получила название «Дворец искусств» [14, с. 264]. Вслед за этим процесс охватил почти все крупные дворцы города и пригородов: Мраморный, Каменноостровский, Елагин, Большой Царскосельский, Гатчинский и Петергофский дворцы [6, с. 40].

Творческая интеллигенция осознавала степень внутренних противоречий представителей новой власти: уничтожив монархический строй, они должны были прилагать огромные усилия для спасения исторических памятников и культурного наследия, которое воспринимали, как порождение этого строя. Повсеместно звучавшие теоретические лозунги о том, что памятники являются результатами достижений сложной и многовековой культуры, на практике почти не принимались во внимание. При отсутствии единства политической, художественной и исторической то-

чек зрения молодая советская власть, сумев в критический момент сохранить многие архитектурные памятники, не смогла найти пути их оптимального использования.

Понимание вклада бывших владельцев дворцов в развитие русской культуры должно было подвести историков к постановке вопроса о *мемориальности* дворцовых экспозиций и сохранению материально-пространственной мемориальной среды. Однако музеефикация такого рода, сопряженная с неперменным зрительским интересом к персоналиям, вступала бы в противоречие с основополагающими тенденциями времени, в силу чего не имела реальной перспективы развития. Для теоретических разработок требовалось время, а в бывших дворцах не было опытных хранителей и специалистов-знатоков; не составлялись описи художественных собраний. В кризисный период, когда встал вопрос о превращении дворцов в музеи, самым неудачным выходом из сложившейся ситуации стало стихийное открытие первых экспозиций (особняки С. А. Строганова, С. Д. Шереметева, Е. В. Шуваловой, Ф. Ф. Юсупова и А. А. Бобринского).

Музейные работники получили «социальный заказ» разработать принципы создания во дворцах *музеев быта*, которые опосредованно должны были объяснить зрителю причины революции: она произошла от того, «что кто-то жил в таких дворцах, а кто-то...» [15, с. 70]. Однако подлинный дворцовый быт к этому времени уже претерпел серьезные утраты, что обусловило простор для вольного творчества. В книге «Историко-бытовой музей. Задачи. Построение. Экспозиция» сотрудник Историко-бытового отдела Русского музея М. Д. Приселков писал: «Поскольку подлинного быта в этих парадных залах дворцов и особняков нет, а есть лишь золоченая рама, в которой когда-то протекал этот быт своею парадною стороною, постольку перед посетителем прием этот может нарисовать, под эту раму, картину какой-то сказочной жизни, жизни высокой красоты и

неиссякаемого изящества...» [15, с. 70]. Требования времени диктовали превращение императорских резиденций и петербургских дворцов не просто в музеи, а в просветительские учреждения. Тематика просветительской работы диктовалась идеологией эпохи и в значительной мере определялась общекультурной ситуацией в стране: созданные музеи стали выставками, нацеленными на пропаганду.

В качестве «музеев дворянского быта» дворцовые здания приобрели особую популярность: представителей нового класса влекло сюда естественное человеческое любопытство. Однако по мере его удовлетворения, интерес к музеям снизился, и стала очевидной разрушительность подобного подхода к музеефикации памятников, стремящегося к упрощению многих проблем. Даже ученые-теоретики должны были включиться в обоснование аспектов практической деятельности. «Вещи существуют не ради себя самих, а ради людей, и не ради владельцев, а ради общественности... Музеи суть не хранилища вещей, а учреждения, где показываются те или другие вещи, имеющие просветительное значение», — писал Ф. И. Шмидт в 1919 г. [19, с. 49]. Созданные историко-бытовые музеи демонстрировали «вещи» отстраненно от истории их создателей, в то время, когда в зданиях сохранялись нетронутые фрагменты их убранства и коллекций, и сохранение особого «мемориального пространство» прошлого было еще возможно. Музеефикация такого рода позволила бы сохранить уважительное отношение к истории и архитектуре дворцов, биографиям их создателей и владельцев.

Шереметевский дворец (Фонтанный дом) был взят под охрану и официально объявлен музеем в конце 1917 г. В здании расположились Общество Древней письменности, канцелярии Археологического и Историко-Генеалогического общества и музей, состоящий из исторического архива и библиотеки. «Фонтанный дом Шереметевых. Музей быта» был официально от-

крыт в 1919 г., а впоследствии вошел в состав историко-бытового отдела Русского музея (1925), после чего концепция его использования изменилась: с 1927 г. в стенах дворца работала постоянная выставка «Труд и быт крепостных XVIII—XX вв.». В дальнейшем — размещение различных учреждений, Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики. В настоящее время — Санкт-Петербургский Государственный музей театрального и музыкального искусства.

Строгановский дворец был открыт для обозрения как филиал Эрмитажа (1925) под наименованием «Народный дом-музей (б. Строгановский)». Затем во дворце был организован «Музей культуры второй половины XVIII — начала XIX века» (1928) с экспериментальной комплексной экспозицией, устроители которой игнорировали особенности исторических интерьеров.

Аничков дворец, резиденция императрицы Марии Федоровны, в феврале 1917 г. перешел в ведение Городской Думы, а в июне постановлением Временного правительства был передан в ведение Министерства продовольствия. После вывоза личных вещей императорской фамилии дворец был передан Комиссариату имуществ республики и в нем разместился основанный по инициативе А. В. Луначарского Музей города (1918), который в 1930-е гг. подвергся серьезной реорганизации. Были ликвидированы исторические комнаты Александра III, экспонаты которых выставили на экспортную продажу и передали в хозяйственное пользование [13, с. 10]. Первыми выставками Музея города в Аничковом дворце были: «Виды Петербурга и его окрестностей», «Игрушка и ее значение в жизни ребенка», «Букварь и детские книги» (1919) «Кремль и монастыри России» (1920), «Мир искусства» (1922). Позднее Музей города перешел в ведение Института коммунального хозяйства и получил название «Музея строительства и городского хозяйства» (1932), затем его коллекции переехали в Соляной городок. В 1935 г. музей

был закрыт, а во дворце разместился Ленинградский Дворец пионеров, ныне — Дворец творчества юных.

Согласно подписанному А. В. Луначарским декрету, «дворец б. кн. Юсупова, ... представляющий художественно-исторический памятник и заключающий собрание картин и предметов художественного значения» объявлялся национальной собственностью и поступал в ведение Комиссариата просвещения. В дальнейшем *Юсуповский дворец* также был преобразован в Музей дворянского быта (1919), где демонстрировались коллекции Юсуповых и проходили экскурсии по историческим комнатам, связанным с убийством Г. Е. Распутина. При закрытии и ликвидации музея (1925) часть его произведений оказалась за границей. В 1926 г. здесь открылся Центральный дом работников просвещения, впоследствии — Дворец культуры работников просвещения, где сохраняются подлинные дворцовые интерьеры и театр.

Дворец Нарышкиных-Шуваловых на Фонтанке с 1918 г. недолго функционировал как Музей быта, затем его собрание было расформировано Эрмитаж и Русский музей; часть экспонатов сдана в Музейный фонд (1925). Во дворце располагался Дом печати (1927–1929). Дом техники инженерно-технических работников имени ВМ. Молотова, в 1930-х гг. — проектные организации. После 1945 — проектные организации (службы ЦКБ «Рубин» и др.). С 1964 — Дом дружбы и мира с народами зарубежных стран.

Дворец Бобринских был конфискован у владельцев (1918), а его коллекции также вошли в собрание Эрмитажа. В начале 1930-х гг. в здании разместился Историко-бытовой отдел Русского музея, и при активном участии Н. Е. Лансере здесь была организована выставка «Купеческий портрет XVIII—XX вв.» с частичным воссозданием историко-типологических интерьеров (1929) [11, с. 22]. Предполагается комплексное использование дворца в музейных и учебных целях. В настоящее время архитектурное бюро «Литейная часть-91» рабо-

тует над проектом его реставрации и приспособления для размещения Смольного института свободных искусств и наук. Совместно с ГЭ разработан проект создания научно-просветительского учебно-концертного центра.

Причина неуспеха первых попыток музеефикации дворцов была очевидна. Насильственный характер многих мероприятий обусловил остроту и нетерпимость, которую приобрел этот процесс: уничтожение мемориальности и «музейности» памятников или превращение их среды, близкой к музейной, в среду бытования, обернулось невосполнимыми потерями культуры. Безликие музеи «дворянского быта» в научном аспекте оказались несостоятельны, хотя достаточно долго они функционировали по причине высокой посещаемости и, следовательно, окупаемости, но в конечном итоге были закрыты, как «несоответствующие марксистской точке зрения».

На общем фоне более удачно сложилась судьба памятников петровского времени. *Летний дворец* в Летнем саду перешел из Дворцового ведомства в распоряжение Отдела коммунального хозяйства Петроградского совета; вопросы его реставрации и использования решало Ленинградское управление Главнауки [18, с. 165]. Дореволюционная концепция осталась неизменной: дворец рассматривался как мемориальный комплекс и впоследствии был включен в состав историко-бытового отдела Русского музея (1925). В 1939 г. Летний дворец Петра I стал самостоятельным музеем и начал функционировать в одном комплексе с Летним садом.

Во дворце *И. И. Шувалова* был создан Музей гигиены (1919) и основана Центральная медицинская библиотека, которые в 1930-х гг. вошли в состав Дома санитарной культуры, преобразованного десять лет спустя в Дом санитарного просвещения. *Дворец А. А. Безбородко*, в 1870-х гг. приобретенный почтовым ведомством, перешел Почтовому департаменту, Министерству почт и Телеграфов Российской империи,

затем был занят Наркомпочтелем РСФСР и Северо-западным управлением связи (после 1917). Из дворца великого князя Николая Михайловича сюда переехал созданный в 1877 г. Почтово-Телеграфный музей Наркомата Почт и Телеграфов (1924) [15, с. 75].

Мраморный дворец, который находился во владении вдовы и сыновей великого князя Константина Константиновича, утратил в 1917 г. предназначение жилого дома и стал общественным зданием, где размещалась Российская Академия истории материальной культуры (1918–1936). В 1937 г. началось приспособление здания под филиал Центрального музея В. И. Ленина. Формирование его нового «музейного» облика происходило под руководством архитектора Н. Е. Лансере и явилось первой профессиональной попыткой переосмысления исторического памятника в его новом качестве, отвечающим потребностям времени [4, с. 175–179]. Тем не менее музеефикация такого рода не могла не быть губительной для исключительного по цельности своего облика памятника архитектуры.

Отсутствие координации предопределило много ошибок в музейной политике. С одной стороны, передача центральным музеем произведений искусства из дворцов, прекративших быть жилыми резиденциями и не начавших музейную жизнь, позволила спасти эти произведения. С другой – их изъятие из исторического контекста дворцов, ставших музеями, исказило облик этих памятников. Таким образом, в первой половине XX в. музеефикация памятников архитектуры в аспекте их приспособления под музеи в значительном числе случаев потерпела крах. Принятые в переломный момент истории непродуманные решения вопросов о будущем дворцов обусловили их дальнейшее существование на десятилетия, обернувшееся трагедией для ряда памятников культуры.

С 1930-х гг. на протяжении длительного времени процесс размещения музеев в памятниках архитектуры в основном не по-

лучал развития. Примеры нового использования дворцов вплоть до начала перестроечных реформ были исключительны (дворец А. Д. Меншикова). Значительные изменения произошли в музейном мире Петербурга в 1990-е гг., когда в изменившейся политической ситуации процесс музеефикации принял масштабный характер. Он вошел в новую фазу и в силу изменения роли музея в современной культуре приобрел новую направленность. Проблема музеефикации исторических памятников потребовала творческих усилий от музейных работников для осмысления ситуации, сопоставимой с послереволюционной, с той лишь разницей, что в начале XX в. учреждениям культуры передавались здания, практически не требовавшие ремонта, а в начале 1990-х гг. музеи получали памятники в запущенном состоянии, и процесс их реставрации потребовал времени.

Новым этапом существования *Шереметевского дворца* стала его передача Русскому музею (1988). Однако история памятника и биографии его владельцев, тесно связанные с историей русского театра, привели к решению передать дворец для размещения экспозиции Государственного музея театрального и музыкального искусства (1990). В одном из дворовых флигелей, где долгое время жила А.А. Ахматова, был открыт ее мемориальный музей.

В 1989 г. в состав Русского музея вошел *Строгановский дворец*, и на протяжении ряда лет решается проблема его реставрации (автор проекта реставрации арх. И. Н. Бенуа). В настоящий момент концепция музейного использования дворца находится в стадии формирования. Являясь художественным музеем, Русский музей на всех этапах музеефикации не ставил задачу воссоздания дворца, как музея династии Строгановых. Однако максимально возможное возвращение интерьерам исторического облика, непременно создание экспозиции, посвященной истории дворца, станет важнейшей составляющей музейного существования жилого дома известной пе-

тербургской династии. Сохранившиеся художественные произведения из их собрания, находящиеся в разных музеях города, послужили основой масштабного выставочного проекта «Строгановы. Меценаты и коллекционеры», показанного во многих странах мира (2003). Рассматриваются альтернативные варианты размещения во дворце в перспективе Музея русского декоративно-прикладного искусства или Музея частного собирательства в России [10, с. 58–63].

Вопрос о судьбе Мраморного дворца после ликвидации филиала Музея Ленина решался на конкурсной основе. Претендентами на здание были Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей и Институт Русской литературы (Пушкинский дом). Вопрос обсуждался на Городском музейном совете, и в 1991 г. мэрией Санкт-Петербурга было принято решение о передаче здания Русскому музею. В 1992 г. начался первый этап капитального ремонта, реставрации и реконструкции дворца. С учетом потребности его скорейшего освоения и желания зрителей увидеть произведения из фондов Русского музея, было принято решение провести реставрационный ремонт основных залов парадной анфилады и открыть дворец для посетителей. В Мраморном дворце с первых дней открытия проводилась интенсивная экспозиционно-выставочная деятельность. Разработанная концепция постоянной экспозиции «Русское искусство в контексте мирового» призвана показать роль и место национального искусства в мировом художественном процессе и в диалоге с мировым искусством. В этом контексте исключительно важным в жизни дворца событием стал дар Русскому музею Петера и Ирэны Людвиг своей коллекции. Приняв эту коллекцию, Мраморный дворец окончательно утвердился в статусе музея, реализующего интернациональные проекты [9, с. 44–49].

Практика показывает, что размещение в зданиях-памятниках художественных экспозиций является значительно более логичным и целесообразным, чем создание

экспозиций исторических, историко-архитектурных, мемориальных или этнографических. Полное соответствие экспозиции памятнику архитектуры является крайне редким: в идеальном случае экспозиции состояются из произведений, исторически принадлежавших к убранству памятника. Однако на практике они почти всегда оказываются утраченным или входящим в состав других собраний. В силу этого сегодня становится очевидным, что процесс создание экспозиций в петербургских дворцах, прошедших реставрацию, при существующей имущественной принадлежности, может и должен развиваться на основе объединения усилий всех музеев города. Экспонирование произведений из дворцовых коллекций, создание выставок, связанных с их историей, путем формирования единого по времени и стилю ансамбля с архитектурой и внутренним убранством здания-памятника приближает его облик к историческому. В случае осуществления любой выставочной деятельности вопросы построения правильных «взаимоотношений» памятника и экспозиции должны обеспечить экспозиционеры и художники-дизайнеры.

Анализ вопросов сосуществования музея и памятника архитектуры приобретает особую актуальность в свете формирования в Санкт-Петербурге новой стратегии сохранения культурного наследия, которая определяет приоритеты, критерии и направления охраны памятников. Сущность этих критериев сегодня определяется формулой «*сохранение через развитие, развитие через сохранение*»*.

В настоящий момент обществу представляется возможность доказать свою зрелость и цивилизованность в решении вопросов о дальнейшей судьбе многих памятников дворцовой архитектуры не только с точки зрения политического момента, стремления к покаянию и исправлению былых ошибок, но с точки зрения их непреходящей общечеловеческой ценности как культурного достояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 1 ноября 2005 г. №1681 «О петербургской стратегии сохранения культурного наследия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авгуль Л. Н., Крылова А. В.* Дворец Шуваловых-Нарышкиных. – СПб.: ООО «Алмаз», 1996. – 191 с.
2. *Варшавский С., Рест Б.* Эрмитаж. 1764–1939: Очерки из истории Гос. Эрмитажа / Под. ред. акад. И. А. Орбели. – Л., 1939. – 252 с.
3. *Варшавский С., Рест Б.* Рядом с Зимним. (Эрмитаж перед Октябрем). – Л.: Советский художник, 1969. – 152 с.
4. Дворцы Русского музея: Сб. научных статей / Ред. Е. Н. Петрова, сост. Е. Я. Кальницкая. – СПб.: Palace edition, 1999. – 267 с.
5. *Ендольцев Ю. А.* «Дворец Петра II»: Университетская набережная, 11: События и люди. – СПб.: Искусство России, 2002. – 68 с.
6. *Ильина Г. И.* Культурное строительство в Петрограде. – Л., 1982.
7. *Крамаренко Н. А.* Первоначальный дворец Петра I на Петроградской стороне. Проблема сохранения памятника в 20-е годы XX века // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее: Материалы научной конференции: Сб. статей / Отв. С. А. Астаховская – СПб.: ООО «Фирма «Алина», 2007. – 239 с.
8. *Кузнецов С. О.* «Выставочный материал из ряда вон выходящий»: Благотворительная акция 1897 года в «Строгоновом доме» // Пинакотека. – 2000. – № 12.
9. *Любимцев С. В.* Мраморный дворец. Русский музей. Вчера, сегодня, завтра: Опыт адаптации дворцовых зданий к нуждам музея XXI века // Зодчий XXI век. – 2002. – № 1 (5).
10. *Любимцев С. В.* Строгановский дворец. Русский музей. Вчера, сегодня, завтра: Опыт адаптации дворцовых зданий к нуждам музея XXI века // Зодчий XXI век. – 2002. – № 1 (5).
11. *Монахов В. М.* Реставрация и реновация дворца Бобринских // Реликвия. – 2004. – № 3 (6).
12. *Наливкина С.* Особняк Румянцева // Дизайн и строительство. Санкт-Петербург. – 2001. – № 1.
13. Образы Петербурга: Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. – СПб., 2002.
14. *Петров Г. Ф.* Миг вечности: музеи Санкт-Петербурга в потоке времени. – СПб.: Логос, 2005. – 423 с.
15. Собор лиц: Сборник статей / Под ред. М. Б. Пиотровского и А. А. Никоновой. – СПб., 2006. – 451 с.
16. *Хадсон Кеннет.* Влиятельные музеи. – Новосибирск, 2001.
17. *Хвостова Г. А.* Посвященная основателю города выставка 1903 года во дворце Петра I в Летнем саду // Университетские Петербургские чтения / Под ред. Кривошеева Ю. В., Ходякова М. В. – СПб., 2003.
18. *Хвостова Г. А.* Скульптура Летнего сада с 1917 по 1940 годы: к истории реставрации // Пунинские чтения-2001: Материалы научной конференции. – СПб., 2002.
19. *Шмидт Ф. И.* Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. – Харьков, 1919.